

Е. Б. ЧЕРНЯК

ДВА ЗАГОВОРА МАРИИ СТЮАРТ *

[Из истории английской тайной дипломатии]

ПИСЬМА МАРИИ СТЮАРТ

После прибытия Марии Стюарт в Англию Елизавета быстро превратила свою «дорогую сестру» в пленницу, находившуюся в почетном заключении, которое, впрочем, постепенно становилось все менее почетным. Английская дипломатия стремилась обеспечить согласие сторон — шотландской королевы и регента Мерее — на разбор их спора комиссией, назначенной Елизаветой; для этого в ход пускались и скрытые угрозы и обещания. Шли также споры престижного характера, должна ли Елизавета персонально возглавлять комиссию, а Мария лично присутствовать при разборе дела. В конечном счете и на предварительных переговорах летом 1569 г., и на последующих заседаниях комиссии в Йорке и позднее в Вестминстере (в Лондоне) в это так и не было внесено ясности, что привело к отзыву Марией ее представителей.

Главным козырем Мерее стали «Письма из ларца» — письма королевы Босвелу. Они были представлены 7 и 8 декабря, уже после того, как уполномоченный Марии Стюарт епископ Росский Джон Лесли покинул конференцию. Поскольку комиссия не являлась формально судебным органом, не были применены и обычные методы судебного следствия. Не было ни вызова свидетелей, ни перекрестного допроса. Правда, комиссия получила, вероятно несколько позднее, письменные показания ряда лиц, направленные против Босвела, но сами свидетели были уже мертвы. Речь шла о протоколах суда над слугами Босвела (Хеем, Хепберном, Лоури и Дэлглейшем, казненными за участие в убийстве Дарнлея) ¹.

По утверждению лордов — врагов Марии и сторонников регента Мерее — ларец был захвачен 20 или 21 июня 1567 г. у слуги графа Босвела Джорджа Дэлглейша. При вскрытии ларца присутствовали лорды Мортон, Мар Атолский, Гленкейрн, Хьюм и другие, а также высшие сановники страны — Мейтленд, Арчибальд Дуглас. Список внушительный, но о нем мы узнаем не из свидетельства этих лиц, а из показаний только одного из них — графа Мортон, будущего регента. Через несколько дней после ареста Дэлглейша его подвергли подробному допросу относительно обстоятельств смерти Дарнлея. Не было задано вопросов лишь о ларце и его содержимом — странное упущение, если считать, что в нем действительно находились письма, на основе которых позднее строилось обвинение против Марии Стюарт. Вероятно, ларец с какими-то письмами действительно был захвачен. О том, что у лордов имеются письма, уличающие Марию Стюарт в убийстве мужа и в незаконной связи с Босвелом, писал в Лондон Трокмортон. В конце июля Мерей, возвращаясь из Франции на родину, сообщил испанскому послу, а также Сесилу, что имеется письмо королевы Босвелу, доказывающее ее соучастие в убийстве Дарнлея. Об этом же говорил граф Леннокс, отец

* Окончание. Начало см. в № 2 за 1975 г.

¹ G. Donaldson. The First Trial of Mary Queen of Scots. New York, 1969, p. 138—139.

Дарнлея. Их заявления в некоторых чертах совпадают с содержанием «алмазного» письма из ларца. В нем королева писала: «Его, Дарнлея, сердце из воска, а мое из алмаза». Однако само «алмазное» письмо не так определенно свидетельствует о вине Марины, как это следует из утверждений Мерее и Леннокса. Если бы существовал более «показательный» документ, его заменили бы на это письмо из ларца. Следовательно, либо заявления Мерее и Леннокса просто намеренное искажение содержания письма Марии с целью ее дискредитации, либо же эти утверждения отражают какой-то ранний этап подделки корреспонденции королевы.

Захват переписки Марии с Босвелом 20 июня 1567 г. отнюдь не сделал более жесткой позицию лордов в отношении королевы². В заявлениях 30 июня и 11 июля повторялись утверждения, что королева была силой увезена Босвелом — в явном противоречии со свидетельством «писем из ларца», если они, разумеется, не являются подделкой. Еще 14 июля (т. е. за 10 дней до отречения Марии) Николас Трокмортон сообщал из Эдинбурга, что лорды говорят с почтением о королеве и собираются восстановить ее на престоле, несмотря на враждебность общественного мнения.

Письма из ларца были использованы против королевы только в декабре 1567 г., через несколько месяцев после отречения. Именно тогда шотландский Тайный совет постановил, что парламент должен оправдать восстание лордов против королевы, поскольку собственноручно написанные ею письма безусловно уличают Марию как участницу убийства Дарнлея. Таким образом, у лордов было целых полгода для подлога. Возможно, что шлифовка подделки продолжалась еще до лета 1568 г. При неофициальной передаче корреспонденции членам английской комиссии там находились письма, не включенные в окончательный набор (это явствует из свидетельства английской стороны, что ей были показаны письма, содержащие сведения, которые не фигурируют в «корреспонденции из ларца»). Вопрос о том, насколько были искажены письма, попавшие в руки лордов, был предметом бесконечных споров среди исследователей. «Среди всех вызывающих споры исторических сюжетов историю Марии Стюарт уже много лет считают поразительно сложной, запутанной», — писал в 1754 г. шотландский историк У. Гудел³. Философ и историк Д. Юм в «Истории Англии» целиком встал на сторону противников Марии Стюарт. Юма поддержал У. Робертсон, едва ли не самый известный шотландский историк.

Одну из наиболее основательных попыток доказать подложность писем предпринял в середине XVII в. Гудел. Он признавал, что задача подделки писем королевы была очень сложной. Поэтому сначала сфабриковали письма и любовные стихи по-шотландски, а лишь потом перевели на французский и латинский языки. Гудел пытался путем лингвистического анализа доказать, что французский текст является переводом с шотландского. Иногда переводчик даже не вполне понимал тонкости стиля оригинала. Шотландские идиомы и пословицы переводились механически, хотя при этом терялся их смысл⁴. Гудел выдвинул идею, что речь могла идти не только о подделке, но и о частичном изменении текста писем королевы. Теория Гудела через 100 лет была модернизирована Д. Хозеком.

Нередко доводы основывались на совершенном игнорировании нравов эпохи. Современник Гудела У. Тайтлер в 1767 г. заявлял, что письма, «кажется, сами составляют презумпцию невиновности, поскольку не только королева, но и любая женщина, у которой можно предполагать наличие хоть немного благоразумия, самого слабого чувства скромности, не могла написать подобные письма»⁵. Тайтлер отмечал, что даже если письма были написаны королевой, то это еще не значит, что они целиком вышли из-под ее пера. Он подтвердил мнение Гудела, что французский текст писем явно не оригинал, как это уверяли враги Марии, а перевод с английского (вернее, с шотланд-

² Один из современников, лорд Геррис, сообщал в мемуарах, что лорды нашли не письма Марии, а ее собственную клятвенную запись участвовать в убийстве Дарнлея. — J. H o s a c k. Mary Queen of Scots and Her Accusers, vol. I. London, 1870, p. 351.

³ W. G o o d a l l. An Examination of the Letters Said to Be Written by Mary Queen of Scots to James Earl of Bothwell..., vol. I. Edinburgh, 1754, p. 1.

⁴ Ibid., p. 80—83, 101.

⁵ [W. T y t l e r]. Recherches historiques et critiques sur les principales preuves de l'accusation intentée contre Marie Stuart... Paris, 1772, p. 5.

ского), точно такой же, как и их латинский перевод⁶. В XIX в. были найдены французские тексты части писем, ранее известные лишь в их шотландской или латинской версии. Вместе с тем выяснилось, что в некоторых из них существует обратная связь — французские идиомы грубо переведены на шотландский язык. Хозек считает, что отдельные французские письма были адресованы Дарнлею (но не доказал, что тот вообще знал французский язык)⁷.

В конце XIX в. в дискуссию активно включились немецкие историки. П. Бреслау считал подлинными часть писем. Г. Гердес выдвинул теорию, что часть одного письма (№ 1) была написана Дарнлеем Марии, а часть другого (№ 2) Марией — Мереем. Б. Зепп высказал предположение, что большинство писем представляет собой перефразировку дневника, который вела Мария⁸. Как подчеркнула в 1886 г. О. Карлова, подлинность писем удостоверяется лишь свидетельством под присягой Мортон — ярого врага Марии, участника убийства Риччио и заговора против Дарнлея. Его никак нельзя считать незаинтересованным свидетелем. Будущий шотландский регент был человеком небрежливым в средствах. Так, он предлагал после восстания в английских северных графствах выдать Елизавете за деньги его предводителя графа Нортумберленда, оказавшего Мортону немало услуг, когда тот находился изгнанником в Англии. Письма, ранее представленные шотландскому парламенту, не имели, вопреки позднейшим утверждениям ее врагов, подписей Марии. При разборе дела королевы в Англии оригиналы писем были представлены членам английского Тайного совета, которые, сравнив их с другими письмами, несомненно принадлежавшими перу королевы, признали их аутентичность.

По мнению Карловой, подделку, вероятно, осуществили лорды Мортон, Мерей и Леннокс, возможно с участием секретаря Мереев Джона Вудса. Мейтленд был в курсе всей этой махинации. Основу «писем из ларца» составляли, по всей вероятности, какие-то письма и заметки Марии Стюарт, захваченные у нее или другим путем попавшие в руки ее врагов, а также письма Дарнлея к королеве⁹.

Приводились и самые различные доводы в пользу аутентичности писем, вплоть до ссылок Юма и Робертсона на то, что эти бумаги не вызвали сомнений у шотландского парламента или комиссии, назначенной Елизаветой. А. Петрик, защищая версию о подложности писем, тем не менее приводит и аргументы в пользу их подлинности: отказ посла Марии Стюарт Лесли сравнивать подписи королевы, само содержание писем, их стиль, с трудом поддающийся подделке, упоминание различных побочных обстоятельств и тайных переговоров, которые действительно имели место¹⁰.

Одно из наиболее веских доказательств в пользу подлинности писем, полагал Т. Гендерсон, это молчание, которое хранили о них сама Мария Стюарт и ее сторонники. Когда было необходимо все же занять определенную позицию — во время следствия в Англии, Мария отрицала их подлинность, но ведь она отрицала позднее подлинность и других, безусловно написанных ею писем¹¹.

Однако есть ли основания для сомнения в том, что автором «писем из ларца» была Мария Стюарт? Подробный анализ содержания писем заставляет усомниться в том, что их мог написать один и тот же человек. Английский посол Рэндолф утверждал, что у Босвела была «другая жена» во Франции. Не исключено, что часть писем исходила от нее. Добавим, что возможным кандидатом на роль подлинного автора писем является и норвежка Анна Трондсен, с которой Босвел был обручен. Ее почерк не напоминал почерка королевы, но письма Трондсен могли быть переписаны. Женой Мейтленда была Мария Флеминг, фрейлина Марии Стюарт, воспитывавшаяся вместе

⁶ Ibid., p. 13, 69—70.

⁷ W. Hosack. Op. cit., vol. I p. 233.

⁸ H. Gerdes. Geschichte der Königen Maria Stuart. Gotha, 1885, S. 440—497; его же. Streitfragen zur Geschichte der Königen Maria Stuart. Gotha, 1886; B. Serp. Tagebuch der unglücklichen Shotten Königen Maria Stuart. München, 1882; его же. Die Kassetenbriefe. München, 1884.

⁹ O. Karlowa. Maria Stuart's angebliche Briefe an Grafen J. Bothwell. Heidelberg, 1886, S. 5, 7—8, 14, 16, 62.

¹⁰ A. Petrick. Die Briefe der Königen Maria Stuart an der Grafen Bothwell. St. Petersburg, 1873, S. 25—26.

¹¹ T. F. Henderson. The Casket Letters and Mary Queen of Scots. Edinburgh, 1889, p. 105—107.

с ~~подписью~~ во Францию. Подписи Марии Флеминг (сохранились ее образцы) почти не ~~отличаются~~ от подписи королевы. При отсутствии оригиналов «писем из ларца» вряд ли ~~выяснить~~ об их подлинности получит когда-либо однозначное решение...

Два ~~года~~ после представления «писем из ларца» Мария Стюарт отнюдь не считала свою ~~жизнь~~ проигранной¹². Она могла вступить в новый брак, который принес бы ее из-
~~браннику~~ шотландскую корону. Перед этим соблазном не устоял могущественный герцог Норфолк. Томас Говард герцог Норфолк был отпрыском знатного рода, к которому принадлежала и королева Анна Болейн (мать Елизаветы). Королева называла его своим кузеном. Он занимал видное место в списках английской знати. С первых лет правления Елизаветы ему поручались важные государственные дела, особенно переговоры с шотландцами. В конце 60-х годов он проявил себя открытым противником антииспанской политики, которую начали проводить Уильям Сесил и фаворит Елизаветы Роберт Дадли граф Лейстер.

Когда Сесил сообщил Елизавете, что Норфолк, назначенный членом комиссии, которая расследовала роль Марии Стюарт в убийстве мужа, перешел на ее сторону, гневу английской королевы не было предела. Неловко пытавшийся прикрыть свои планы Норфолк в присутствии Елизаветы дурно отзывался о Марии Стюарт.

Намерения Норфолка жениться на Марии Стюарт сами по себе не могли считаться преступлением. Впоследствии, чтобы подвести их под понятие государственной измены, прокурору пришлось ссылаться на то, что Мария, выйдя замуж за французского дофина в 1557 г., изменила свой герб, который теперь включал и притязания на английскую корону. Стоит напомнить, что сама Елизавета сохраняла традиционное притязание на французский престол. Мария Стюарт никогда формально не отказывалась от своих прав на английский трон или, как она обычно уверяла, от права наследовать Елизавете. По утверждению же английского правительства Мария Стюарт заявляла, что имеет преимущественное право на престол по сравнению с Елизаветой. Повторяя это истолкование позиции шотландской королевы, генерал-прокурор добавлял, что она была отлично известна герцогу Норфолку и поэтому его матримониальные планы были равнозначны государственной измене.

10 января 1569 г. Сесил в присутствии членов английского Тайного совета и уполномоченных обеих сторон — Марии Стюарт и шотландского правительства — объявил о решении Елизаветы. Оно сводилось к тому, что отвергались обвинения лордов против Марии, также как и контробвинения шотландской королевы против ее врагов. Однако этот оправдательный, вернее нейтральный, вердикт в отношении обеих сторон скрывал реальную политику Лондона. Мерей получил заем в 5 тыс. ф. ст. и фактическое признание его правительства Лондоном, а Марию Стюарт, несмотря на протесты ее представителей, оставили в Англии. Более того, в Англии задержали (под предлогом сохранения при Марии ее советников) и двух влиятельных лиц — епископа Лесли и лорда Герриса. Это было сделано по просьбе Мерей, опасавшегося их возвращения в Шотландию. В ответ Мария пыталась возбудить против Мерей всех его врагов, особенно Гамильтонов, уверяя, что он собирается выдать англичанам принца Якова и разместить британские гарнизоны в замках Эдинбурга, Стирлинга и Думбартона.

Удерживая в почетном заключении Марию Стюарт, Елизавета получила серьезный способ воздействовать на шотландское правительство. Однако это преимущество не шло ни в какое сравнение с неудобствами, которые проистекали от того, что Мария стала притяжением для всех противников Елизаветы. А ведь значительная часть английского населения в это время еще была католической. Опыт показал, что постоянно клокотавшее крестьянское недовольство могло быть направлено в русло восстания, проходившего под лозунгами католической реставрации.

Католические интриги были особенно опасны из-за поддержки иностранных государств, особенно испанского короля. Испания Филиппа II, связанная тесными узами династических и других интересов с австрийскими Габсбургами и выдвигавшая притязания на европейскую гегемонию, была грозным противником. Испанский король имел 50-тысячное профессиональное войско, его солдаты считались лучшими в Европе, тогда как английское правительство не располагало постоянной армией. Военно-мор-

¹² G. Donaldson. Op. cit., p. 73.

ской флот Испании по количеству судов и их вооружению далеко превосходил английский.

В 1569 г. в северных графствах Англии вспыхнуло крупное крестьянское восстание. Как это не раз случалось со времен Реформации, народное недовольство вылилось в движение под знаменем католицизма. Его возглавили графы Нортумберленд и Уэстморленд: феодальный сепаратизм часто стремился использовать в своих целях выступления крестьянских масс. Герцог Норфолк, который должен был стать командующим армией восставших, в последний момент струсил, предал своих сообщников и по требованию Елизаветы явился в Лондон, где его посадили в Тауэр. Норфолк выдал планы повстанцев. Восставшим не удалось освободить Марию Стюарт; пленницу спешно перевезли из замка Татбери на юг в Ковентри; об этом позаботились приближенные Елизаветы Хандсон и Сэдлер. Последний был одним из тех сановников и генералов, которым было поручено подавить восстание. Ведь события разворачивались неподалеку от Шотландии и здесь снова потребовались его умение и опыт. Уже немолодой разведчик, ему было тогда 62 года, опять взялся за привычное ремесло. Восстание не получило массовой поддержки за пределами северных графств и было подавлено спешно переброшенной с юга королевской армией.

Если Сэдлер отличился при подавлении восстания, то Трокмортон подвела постоянная страсть строить собственные политические комбинации, часто не совпадавшие с планами Сесила. Трокмортон считал возможным сделать Марию орудием английской политики путем ее брака с герцогом Норфолком (как это ранее думали осуществить путем ее брака с Лейстером). Вероятно, побудительным мотивом этих планов была зависть к Сесилу, и поскольку министр не строил иллюзий насчет истинных чувств Трокмортон по отношению к нему, бывший посол был посажен в Тауэр. Выяснилось, однако, что Трокмортон действовал в согласии с Лейстером и явно сохранял верность Елизавете. Сэра Николаса поэтому вскоре выпустили на свободу. Тем не менее смерть в феврале 1571 г. избила его от обвинения в потворстве планам Норфолка, вовлеченного в новый заговор¹³.

«ЗАГОВОР РИДОЛЬФИ»

В начале 70-х годов наступает перелом в английской политике. Раньше традиции испано-английского союза и соперничество обеих держав с Францией до поры до времени сглаживали острые углы в отношениях между Елизаветой и Филиппом II. Теперь же антагонизм Англии и Испании выдвинулся в центр политической борьбы в Западной Европе. Обострение отношений Англии с силами католической контрреформации привело к изданию 25 февраля 1570 г. папой Пием V буллы, отлучавшей Елизавету от католической церкви, к которой она впрочем и не принадлежала, и освобождавшей англичан от присяги верности королеве. «Мы объявляем, — говорилось в булле, — указанную Елизавету еретичкой и подстрекательницей еретиков, и те, кто является ее приверженцами, также осуждаются и отделяются от христианского мира... Мы лишаем королеву ее мнимых прав на королевство и всех остальных прав». Правда, буллу никто не осмелился вручить королеве Англии — оригинал этого изъяснения папского гнева так и остался в Ватикане. Но его содержание не было пустой угрозой. Булла была издана при получении папой известий о католическом восстании на севере Англии, хотя к этому времени оно уже было подавлено.

Мария Стюарт после издания буллы становилась в глазах правоверных католиков законным претендентом на английский престол, «узурпированный» Елизаветой. А как показал опыт первого суда над шотландской королевой, надежды добиться ее руки и тем самым проложить путь к трону могли поколебать верность не одного из елизаветинских вельмож. Герцог Норфолк был тому самым недавним примером. Так как против него не было прямых улик, герцога выпустили из Тауэра, но оставили под домашним арестом. Однако это не помешало ему принять участие в новом заговоре — «заговоре Ридольфи». Он назван так по имени итальянского банкира Ридольфи, выступавшего агентом папы, Филиппа II и его кровавого наместника в Нидерландах герцога Альбы. Итальянец поддерживал тесные связи с епископом Лесли, послом шотландской

¹³ A. L. Rowsey. Ralegh and the Trockmortons. London, 1962, p. 51—52.

иногда при английском дворе. Ридольфи имел несколько свиданий с Норфолком и заручился его согласием способствовать вторжению испанских войск в Англию. Герцог обещал, что после получения денежной субсидии он поднимет восстание и будет ждать прибытия испанской армии из Нидерландов, численностью в 6 тыс. человек.

Однако Альба считал планы Ридольфи трудно осуществимыми и к тому же сомневался, что удастся сохранить в тайне заговор, в который итальянец успел посвящать слишком много людей. Альба предпочитал бы избавиться от Елизаветы с помощью верного убийцы, о чем и сообщил Филиппу II. А Ридольфи считал необходимым уведомить о положении дел епископа Лесли, герцога Норфолка и еще одного заговорщика — лорда Лэмли. Курьером он выбрал молодого фламандца Шарля Байи, неоднократно бывавшего в Англии и бегло говорившего по-английски и на нескольких других языках. Байи поэтому удавалось каждый раз принимать новое обличье, обманывая бдительность елизаветинских таможенников и шпионов. Но на этот раз — дело происходило в апреле 1571 г. — фламандцу изменило счастье. В Дувре при таможенном досмотре у него обнаружили изданное на английском языке во Фландрии сочинение епископа Лесли «Защита чести Марии королевы шотландской», в котором говорилось о ее праве на престол. Одного такого мятежного произведения было вполне достаточно для ареста Байи. Кроме того, у него изъяли еще какие-то подозрительные бумаги и письма, явно написанные шифром. На них не были указаны адресаты — стояли лишь цифры «30» и «40». Арестованный уверял, что его попросили доставить эти письма в Лондон и ему неизвестны ни имена лиц, которым они адресованы, ни шифр, которым они написаны. Вскоре же, однако, выяснилось, что Байи лгал — при более тщательном обыске под подкладкой его камзола был обнаружен шифр. Не оставалось сомнения, что в руки властей попали нити нового заговора против королевы Елизаветы. Губернатор южных портов сэр Уильям Кобгем, который допрашивал Байи, решил отправиться с захваченными бумагами к лорду Берли.

При допросе присутствовал брат губернатора Томас Кобгем, тайно принявший католичество. Он неожиданно заявил, что если бумаги попадут к лорду Берли, герцог Норфолк — конченный человек. Губернатор, однако, не стал слушать брата и приказал подать лодку. Томас взялся сопровождать его и по дороге снова стал настойчиво убеждать не торопиться с передачей бумаг главному министру. Уильям Кобгем колебался — он сообразил, что речь идет о заговоре, организованном Ридольфи, а сам губернатор был как-то связан с ловким итальянцем и очень боялся, что это обстоятельство выплывет наружу. У. Кобгем понял, что не в его интересах передавать бумаги Сесилу. Но скрыть их было еще более опасно. Министру все равно вскоре же стало бы известно об аресте таможенниками Байи и о допросе фламандца губернатором. Лодка приближалась уже к дому Берли, надо было на что-то решиться... и Кобгем приказал повернуть обратно. Он решил схитрить, переслав документы епископу Лесли. Последнему было вежливо предложено завтра явиться к губернатору и вместе с ним прочесть полученную на его имя корреспонденцию. Иначе говоря, Кобгем давал шотландцу необходимое время для подмены бумаг. Почтенного прелата не надо было просить дважды. Он сразу ринулся к испанскому послу дону Герау Деспесу. Началась лихорадочная работа — взамен подлинных писем были составлены подложные, написанные тем же шифром. Для правдоподобия в них содержались полемические выпады по адресу королевы, но было опущено все, что могло бы навести на мысль о существовании антиправительственного заговора. В пакет даже были дополнительно вложены еще другие подлинные письма заговорщиков, не содержавшие никаких опасных улик. Изъятые же письма, полученные от Ридольфи, были отправлены Норфолку и лорду Лэмли. Теперь Кобгем мог переслать фальсифицированную корреспонденцию Сесилу, а Лесли даже официально потребовал возвращения направленных ему писем, на которые распространялась дипломатическая неприкосновенность.

Сесил, если и был обманут, то только наполовину. Его шпионы во Фландрии уже успели известить его о каких-то приготовлениях к новому заговору. Однако Берли ничем не выдал своих подозрений — он предпочитал, чтобы его считали одураченным. Настойчивость, с которой Лесли пытался добиться освобождения фламандца, ссылаясь на то, что тот принадлежал к штату шотландского посольства, лишь укрепила Берли в убеждении, что Байи держит в своих руках ключ к тайне.

Байи доставили к грозному министру, который потребовал от него расшифровать переписку с Лесли. Заключение ссылался на то, что якобы потерял ключ к шифру. После этого допроса Байи был переведен в Тауэр — там в одиночной камере он был надежно изолирован от своих сообщников. Министр приказал подвергнуть фламандца пытке и заставить раскрыть секрет шифра.

В конце концов Байи выдал все, что знал, но знал он далеко не все. И прежде всего ему не было известно, кем являлись таинственные «30» и «40». Тогда Тайный совет отдал приказ об аресте и допросе Лесли. Епископу была отлично известна соответствующая латинская формула о неприкосновенности дипломатов. Но он понимал, насколько призрачной была такая защита для представителя содержащейся под стражей королевы. Поэтому посол Марии Стюарт попытался выпутаться с помощью новой искусной лжи. Он уверял, что «30» означает дон Герау, а «40» — Марию Стюарт, что оба эти письма он сжег и что они содержали только ответ на просьбу о помощи против партии противников королевы в Шотландии, с которой Мария обратилась к Филиппу II.

Лорд Берли не сомневался, что епископ лжет и пытается замести следы заговора, который плетется в самой Англии. Но у английского правительства не было доказательств, Берли по-прежнему не знал подлинного значения цифр «30» и «40», хотя его агенты сообщали ему об испанских планах вторжения в Англию и надеждах на то, что им окажет содействие герцог Норфолк.

Неизвестно, сколько бы еще времени Берли оставался в неведении о намерениях заговорщиков, если бы не подвернулся счастливый случай. Мария Стюарт получила из Франции денежную субсидию в размере 600 ф. ст. для борьбы против своих врагов в Шотландии. По ее просьбе эти деньги были переданы французским послом герцогу Норфолку, который обещал оказать содействие в их доставке по назначению. Он приказал своему личному доверенному секретарю Роберту Хикфорду переслать эти деньги в Шропшир, управляющему северными поместьями герцога Лоуренсу Бэнистеру, чтобы тот их переправил в Шотландию. В самой пересылке денег еще нельзя было усмотреть государственную измену. Главное, однако, что к письму Бэнистеру была приложена зашифрованная корреспонденция. Хикфорд попросил направлявшегося в Шропшир купца Томаса Брауна из Шрюсбери доставить Бэнистеру небольшой мешок с серебряной монетой. Тот охотно согласился выполнить эту просьбу. Но по дороге у Брауна возникли подозрения — слишком тяжелым оказался переданный ему мешок. Купец сломал печать на мешке и обнаружил много золота и зашифрованное письмо. Брауну хорошо было известно, что герцога лишь недавно выпустили из Тауэра, где содержали по подозрению в государственной измене.

Купец повернул коня обратно и отправился к главному министру. Получив эту неожиданную добычу, Берли мог действовать. Хикфорд был немедленно арестован, но клялся, что не знает секрета шифра. Зато другой приближенный герцога в искусе выдал существование тайника в спальне Норфолка. Посланные туда представители Тайного совета обнаружили письмо, в котором излагались планы Ридольфи. После этого Хикфорд, поняв бессмысленность дальнейшего заперательства, открыл ключ к шифру письма, которое было послано в мешке с золотом. Теперь уже было несложно разгадать, кто скрывался под цифрами «30» и «40» в корреспонденции, привезенной Байи из Фландрии.

Той же ночью герцог Норфолк был арестован и отправлен в Тауэр, где сначала пытался все отрицать, но потом, почувствовав, что спасти жизнь быть может удастся только полной покорностью, начал давать показания. Одновременно он попытался переслать на волю приказ сжечь его зашифрованную переписку. Это оказалось лишь на руку Берли. Письмо было перехвачено, слуги Норфолка под пыткой выдали место, где хранится эта переписка с шотландской королевой.

Теперь можно было предъявить обвинение и Джону Лесли. Соппротивление его продолжалось недолго. Епископ сообщил все, что знал об участии Марии Стюарт и герцога Норфолка в подавленном католическом восстании, о планах нового восстания — теперь в восточной Англии, о намерениях захватить Елизавету. Лесли объявлял, что Мария Стюарт принимала прямое участие в убийстве Дарнлея, отравила своего первого мужа и пыталась таким же путем избавиться от Босвела. Затем Лесли написал Марии Стюарт длинное письмо, где содержался совет уповать на милость королевы

А чтобы этот документ не остался единственным, Лесли составил и лживую версию в честь Елизаветы.

— Этот пеп-живовер, страшный поп,— яростно вскричала Мария Стюарт, получив епископское послание¹⁴.

«Заговор Ридольфи» закончился казнью Норфолка 2 июля 1572 г. Дон Герау Лесли попытался было организовать покушение на Берли, но вскоре должен был покинуть Англию. А епископ Лесли после освобождения из Тауэра отправился во Францию.

...Четыре века прошло со времени «заговора Ридольфи». Как персонажи в комедии масок, все герои этого неясного эпизода в истории тайной войны застыли с раз и навсегда закрепленной за ними ролью, хотя историки в зависимости от своих политических симпатий различно характеризовали поступки основных действующих лиц. Традиционное освещение основывалось на официальной правительственной версии. Но достаточно было усомниться в некоторых из почитаемых за факты деталях, чтобы предстал в совершенно новом свете тот или иной персонаж.

За такое переосмысливание взялись иезуиты. Апологетическая работа началась почти столетие тому назад и позднее к ней подключились и светские историки. В числе поднявших еще в конце XIX в. вопрос о подлинности некоторых из католических заговоров времен Елизаветы был историк Д. Г. Поллен. В этом его отчасти поддержал известный исследователь елизаветинского периода М. Юм¹⁵. Еще одним из сомневавшихся стал Л. Хикс¹⁶.

Конечно, историки из «Общества Иисуса» понимали, что их с самого начала будут подозревать в сознательном искажении истины. Поэтому они заранее парировали возможное недоверие ссылками на то, что речь идет об очень давнем прошлом, переставшем возбуждать враждебные страсти, особенно в нашу эпоху, когда господствует равнодушие к религии и различные христианские церкви научились терпимо относиться друг к другу. И здесь же лукавые «ученые» как бы мимоходом подкидывают мысль, будто успехи протестантской Англии породили два с лишним столетия религиозных раздоров, о предотвращении которых только и думали просвещенные умы католицизма, истинные гуманисты... вроде епископа Лесли. Эта школа историков явно стремится использовать то недоверие, которое возникло во многих общественных кругах на Западе к реальности преступлений, которые инкриминировались обвиняемым в государственной измене.

«Стало своего рода модой,— отметил профессор Эдинбургского университета Г. Дональдсон,— утверждать, что все католические конспирации... были сфабрикованы английским правительством»¹⁷. Несомненно, что такой тезис не выдерживает критики. Изображение римского престола как жертвы махинаций просто противоречит здравому смыслу, особенно если учесть массу известных науке данных о политике папства, об его ставке на перевороты и убийства. Тем не менее иезуитские попытки возвеличивания святой церкви, основанные на привлечении материалов многочисленных архивов ряда западноевропейских стран, неожиданно достигают, если отбросить апологетику, действительно полезного результата. Они приоткрывают кое-что из истории английской разведки, являвшейся в елизаветинское время орудием тех сил, которые выступали против католической контрреформации.

При изучении истории английской секретной службы важно установить, в какой мере ее агентам удавалось проникнуть в тайное войнство контрреформации, использовать промахи и некомпетентность, тщеславие и неоправданный оптимизм его эмиссаров, чтобы не только разоблачать чужие планы, но и канализировать вражеские заговоры в интересах политики британского правительства. Одним из способов достижения этих целей была засылка провокаторов и также превращение в шпионов-двойников некоторых из пойманных вражеских лазутчиков.

¹⁴ D. M c L o c k i e. The Political Career of the Bishop of Ross 1558—1580.—«University of Birmingham Historical Journal», vol. IV, № 2, 1954, p. 110.

¹⁵ M. H u m e. Treason and Plot. London, 1901.

¹⁶ L. H i c k s. Strange Case of Dr. William Parry.—«Studies», Dublin, № 147, September 1948.

¹⁷ G. D o n a l d s o n. Op. cit., p. 219.

На эти мысли наводят исследования Френсиса Эдвардса, относящиеся к «заговору Ридольфи»¹⁸. Эдвардс делает одно правильное замечание. Имея дело с источниками, освещающими историю английской разведки и тайной дипломатии XVI в., надо помнить, что авторы писем постоянно учитывали возможность перехвата их корреспонденции. Во множестве случаев эти письма сопровождаются одной и той же, хоть и по разному редактируемой фразой, что одновременно с вручением депеши адресату, привезший ее честный и верный человек сообщит то, что нельзя доверить бумаге. Кроме того, на письмах оставлялось специальное место, в нижнем правом углу, — куда заносились особо важная или опасная информация. Потом этот треугольник справа отрывался и уничтожался, даже когда остальная часть письма сохранялась... Иными словами, историку приходится, в лучшем случае, иметь дело с документами, из которых изъята наиболее важная часть информации. Угроза перехвата почты, а также вероятность того, что бумаги попадут в чужие руки, заведомо заставляла сообщать в оставшейся части донесений ложные, сбивающие с толку известия.

ДВУЛИКИЙ РИДОЛЬФИ

Роберто Ридольфи, по имени которого назван заговор, родился в 1531 г. во Флоренции в богатой банкирской семье. В Англии он появился впервые в 1562 г., а может быть и раньше. Торговые и денежные операции ловкого флорентийца были лишь видимой частью его дел: с 1566 г. он явно выполнял роль «тайного нунция» римского папы. Об этой стороне его деятельности мало что известно, возможно, что до 1569 г. действия Ридольфи в качестве ватиканского разведчика не имели особого значения. Однако нет и никаких данных, позволяющих заподозрить флорентийца в двойной игре до 1569 г., точнее до зимы этого и весны следующего 1570 г., когда он находился под домашним арестом. Причиной ареста было подозрение, что итальянец поддерживал связи с руководителями католического восстания в северных графствах. Возможно, что перед итальянцем была поставлена альтернатива — либо мучительная казнь на Тайберне, либо переход на службу к Сесилу. Около 25 марта 1571 г. Ридольфи покинул Англию, причем, по всей видимости, его вещи не были подвергнуты таможенному досмотру в Дувре. По крайней мере так обстояло дело, если верить последующим рассказам Ридольфи, — он, правда, ничего не говорил о причинах такой непонятной любезности властей, зато утверждал, что ему удалось увезти с собой инструкции Марии Стюарт и герцога Норфолка и, что особенно важно, их письма к герцогу Альбе, Филиппу II и римскому папе. А в этих письмах содержалась просьба о вторжении в Англию и низложении Елизаветы. Можно ли предполагать здесь крайнюю степень небрежности со стороны Сесила и его людей? Такое предположение не очень вероятно, хотя и позднее для операций разведывательного ведомства Елизаветы характерно сочетание чрезвычайной ловкости, тонкой, «ювелирной» работы с непонятными грубыми просчетами, вызванными чьей-то апатией и нерадивостью. Впрочем, в каждом таком случае могли действовать скрытые пружины, ускользающие от исследователя вследствие преднамеренного уничтожения тех или иных документов.

Если отбросить версию, что власти просто прозевали содержание багажа недавно освобожденного из-под ареста флорентийца, остается допустить, что они сознательно смотрели сквозь пальцы на провозимую корреспонденцию. Тогда, возможно, действиями властей руководили влияния, исходившие от противников Сесила (например, через Томаса Кобгема). Либо же, что более вероятно, власти действовали по инструкции Сесила. Конечно, и при последнем предположении возникают недоуменные вопросы — прежде всего, каким образом английская разведка могла обеспечить верность Ридольфи после того, как он покинул британские берега, и оказался вне досягаемости английских судей и палачей. Напрашивающимся ответом являются денежные операции Ридольфи, которые он мог продолжать в Англии, только сохраняя благорасположение правительства. Если же допустить, что Ридольфи взял на себя роль шпиона-двойника, сразу же возникает сомнение в подлинности писем, которые, по его словам, ему передала шотландская королева и Норфолк.

¹⁸ F. E d w a r d s (S. J.). The Dangerous Queen. London, 1964; ег о же. The Marvellous Chance. Thomas Howard, Fourth Duke of Norfolk and the Ridolfi Plot. 1570—1572. London, 1968. У Ф. Эдвардса есть и книга о пороховом заговоре.

Ридольфи не представил никаких собственноручных писем Марии Стюарт и герцога итальянец передал по адресам лишь расписанные тексты, такими же «дешифрованными» были и верительные грамоты, привезенные флорентийцем от своих доверенных. Все это могло быть разумной мерой предосторожности, не соблюдение которой стоило бы головы обоим узникам. Достоверным лишь остается, что Ридольфи не кривил оригиналов своей опасной корреспонденции.

Эдвардс прав, когда утверждает, что Ридольфи несомненно изменил текст письма, которое он повез от имени Норфолка Альбе. Однако как раз в этом пункте Эдвардс неоригинален. Такое же наблюдение было уже давно сделано исследователями. Еще в прошлом столетии Д. Хозек заявлял, что «письмо написано целиком по-итальянски, оно не было подписано Норфолком, и он, вероятно, никогда не видел его. Смелый и уверенный тон письма совершенно несовместим с осторожной и колеблющейся позицией герцога. Нельзя также предполагать, что он мог делать географические ошибки, поместив Харидж в графстве Норфолк и Портсмут в Сассексе. Однако это ошибки, в которые легко мог впасть иностранец и которые можно рискнуть приписать епископу Росскому, Ридольфи и испанскому послу — все они, вероятно, приложили руку к сочинению письма»¹⁹. Предположение Хозека кажется значительно более правдоподобным, чем гипотеза Эдвардса. Возможно, что Ридольфи стремился как можно глубже втянуть Норфолка в заговор и таким путем не только побудить его отбросить сомнения, но и одновременно заставить испанские власти проявить большую активность. Однако делал все это Ридольфи ради успеха задуманного им предприятия и в согласии с другими заговорщиками — епископом Лесли и доном Герау, а не в качестве агента английского правительства.

Альба встретил Ридольфи весьма холодно. Прежде всего у Альбы вообще не вызвал доверия ловкий итальянец, возможно даже имевший какие-то родственные связи с правителями его родной Флоренции и, следовательно, представительницей этой династии, Екатериной Медичи, матерью французского короля Карла IX. Но, главное, у испанского наместника было более чем достаточно хлопот с мятежными Нидерландами, чтобы ему могла улыбаться перспектива уделить часть своих войск для помощи противникам Елизаветы в Англии. Ридольфи не только не сообщил своим единомышленникам, включая Байи, о встреченном холодном приеме, а, напротив, уверял их, что добился поддержки Альбы. Так, во всяком случае, позднее утверждал Байи.

Эдвардс преувеличивает степень неодобрения Альбой планов Ридольфи. Герцог отнюдь не был против действий флорентийца. Он только писал в Рим и Мадрид о трудностях, с которыми встретятся заговорщики. Как подчеркивал Минье, Альба считал, что в случае удачи заговор станет наилучшим способом «исправления зла», но добавлял, что вначале Филиппу II не следует открыто оказывать помощь — ее надо приберечь на случай, «если королева английская умрет своей естественной или какой-либо другой смертью»²⁰. А это вовсе не противоречило планам заговорщиков — ведь Норфолк обещал, что он будет удерживать свои позиции 40 дней до прибытия испанской помощи и в намерение заговорщиков входило сразу же захватить в плен Елизавету. Л. Ранке, немецкий консервативный историк, писал: «Если Норфолк ставил свое восстание в зависимость от высадки в Англии испанских войск, то Альба требовал вначале захвата Елизаветы, прежде чем его повелитель открыто объявит о своем вмешательстве»²¹.

В планах Ридольфи была несомненная сильнейшая примесь фантазии, как, впрочем, и во многих других аналогичных проектах, выдвигавшихся как явными авантюристами, так и католическими политиками, которых даже Эдвардс не заподозрит в подыгрывании елизаветинской разведке.

Когда флорентиец находился в Мадриде, мысль, не является ли он шпионом лорда Берли, пришла в голову Филиппу II и его советникам — за четыре столетия до историка Эдвардса, но это подозрение было вскоре отброшено. Со своей стороны Ридольфи, учитывая точку зрения Альбы, что для успеха заговора необходимо убить Елизавету, составил план покушения, осуществление которого предлагал поручить офицеру ис-

¹⁹ J. H o s a c k. Op. cit., vol. II, p. 50.

²⁰ М. М и н ь е. История Марии Стюарт, ч. I, стр. 109—110.

²¹ L. R a n k e. Maria Stuart und ihre Zeit. Berlin, 1942, S. 216.

панской армии в Нидерландах маркизу Вителли²². Поставим вопрос — поступил бы так британский агент, не будучи даже уверенным, что ему удастся известить лорда Берли о том, одобрили ли испанские власти этот план. Иначе говоря, вне зависимости от своих намерений этот разведчик мог оказаться организатором не мнимого, а действительного покушения на королеву. Стоит добавить, что Вителли вскоре посетил Англию и встретил любезный прием при дворе. Нет, кажется, данных об участии этого офицера в заговоре. Это не значит, однако, что планы Ридольфи были отвергнуты. Напротив, Филипп II в конце концов санкционировал намерение убить Елизавету.

Особенность корреспонденции, привезенной Байи, продолжает развивать свою аргументацию Эдвардс, заключалась в том, что она могла повредить шотландской королеве не только если бы стала известной в Лондоне, но и если бы о ней узнали в Париже. Ведь Франция была традиционной опорой Марии Стюарт, между тем план, привезенный Ридольфи, предусматривал ставку на Испанию — главную соперницу Франции. Испания, бывшая в течение нескольких поколений союзницей Лондона против Франции, в эти годы превращалась и в основного противника елизаветинской Англии. Понятно, насколько важно было для правительства Елизаветы представить в глазах французского двора Марию Стюарт сторонницей ориентации на Испанию. Это признавал и сам Ридольфи, подчеркивавший в беседах с единомышленниками необходимость держать свой план в тайне от французов.

Нам неизвестно, встречался ли новый британский посол в Париже Уолсингем со своим недавним арестантом, когда Ридольфи в мае 1571 г. прибыл из Брюсселя во французскую столицу по пути в Рим. К этому времени Ридольфи уже успел сделать один из наиболее важных ходов в своей шахматной партии — направить в Англию Байи с письмами к Марии Стюарт и Норфолку. Обстоятельства, при которых это произошло, столь существенны для понимания смысла всего заговора, что заслуживают более подробного рассмотрения.

Шарль Байи, находившийся на службе у Марии Стюарт примерно с 1564 г., после прибытия королевы в Англию в 1568 г. вошел в число помощников епископа Лесли. Он выполнял роль секретаря, помогал в шифровке и дешифровке корреспонденции, которая была возложена на основного сотрудника Лесли Джона Кетберта, но главным образом исполнял роль дипломатического курьера. Весной 1571 г. Байи отправился из Лондона на родину, формально по собственному желанию, чтобы повидаться с родными, с которыми не виделся более двух лет. Он не взял паспорта, рассчитывая, видимо, что сумеет с помощью золота обойти таможенные трудности. Байи не преминул посетить во Фландрии английских эмигрантов.

Совпадение по времени поездки Ридольфи и Байи вряд ли было простой случайностью, хотя фламандцу могло казаться, что только она свела его с тайным эмиссаром Марии Стюарт. Возможно, что Ридольфи заранее знал об обязанностях, которые исполнял Байи у Джона Лесли, в частности об участии в шифровальной работе. Как бы то ни было знание Байи кодов, использовавшихся епископом Росса, послужило Ридольфи удобным поводом для того, чтобы убедить молодого фламандца отвезти шифрованные письма к послу шотландской королевы. Байи в своих показаниях отметил, что Ридольфи просил его зашифровать депеши так, чтобы они были понятными епископу. По словам Ридольфи, его собственный шифровальщик не смог бы хорошо проделать эту работу. Все же осторожность должна была бы побудить Ридольфи предпочесть своего помощника, пусть хуже знакомого с шифром, и поручить «случайно встреченному» Байи только роль курьера. Кроме того, если встреча была все же действительно случайной, то Ридольфи мог заранее рассчитывать лишь на услуги своего помощника, когда незадолго до этого договаривался с епископом Росским о шифре и средствах поддержания связи. Между тем Ридольфи, по-видимому, не был знаком с шифром и узнал его только от Байи. Ставить Байи в известность о содержании писем было явным нарушением обычно тогда соблюдавшегося элементарного правила пересылки дипломатических депеш — не сообщать курьеру ничего о шифрованной корреспонденции, которую он должен был доставить по назначению. Быть может, именно такое нарушение общепринятого порядка и заставило Байи заколебаться. Он без особой охоты принял возложенное на него поручение. Однако у Байи не было сомнений в отношении самого Ридольфи, которого он часто встречал у епископа Лесли.

²² J. H o s a k. Op. cit., vol. II, p. 54.

Уже в 1571 г. итальянец настоял на том, чтобы сам Байи зашифровал письма к «30» и «40». В показаниях Байи о шифрах много неясностей. По словам Байи, эти письма были вложены в пакет и фламандцу поручили передать их коменданту французского города Кале де Гурдану, чтобы тот их с первой же оказией переслал епископу Лесли. Оставим в стороне вопрос о целесообразности вовлечения французского коменданта в интригу, которую, по словам того же Ридольфи, следовало хранить в тайне от Франции. Допустим, что де Гурдан был совершенно надежным человеком с точки зрения заговорщиков. Важнее другое — выполнил ли Байи указание Ридольфи передать пакет Гурдану? В письме к испанскому послу Деспесу 10 мая 1571 г. Байи упоминает, что оставил пакет в Кале. При этом неясно, имелась ли в виду пачка с письмами к «30» и «40». Позднее, 12 октября, в письме к Сесилу Байи просто упоминает о полученном от Ридольфи приказе вручить корреспонденцию коменданту Кале, но не уточняет, выполнил ли это указание. Если Байи все же привез письма в Англию, остается непонятным, почему Тайный совет 19 сентября — уже зная шифр — настаивал на том, чтобы фламандец сообщил содержание писем к «30» и «40»? Ответ на основе сохранившейся документации дать невозможно.

О причинах, побудивших Ридольфи решиться на столь непонятный приказ, остается лишь гадать; они могли, например, быть вызваны и неполным доверием к Байи, и желанием доставить письма более надежным путем (если, конечно, флорентиец был тем, за кого он себя выдавал — верным сторонником шотландской королевы). С другой стороны, если Ридольфи стал агентом Сесила, он мог в последний момент пожалеть юношу, хорошо зная, какая участь ему уготована в Англии. Во всяком случае, идея оставить пакет в Кале вряд ли могла быть заранее согласована с Сесилом (хотя и это не исключено). Если это было самовольным действием Ридольфи, легко объяснить неясные места и несогласованности в документах, оставшихся от «дела Байи», оно развивалось не вполне так, как планировалось английской разведкой.

Вряд ли можно сомневаться, что Сесил заранее был поставлен в известность о приезде фламандца. Даже если исключить предположение, что эта информация была получена от самого Ридольфи, ею явно мог снабдить своего шефа разведчик Уильям Сеттон, находившийся во Фландрии для слежки за английскими эмигрантами и для пересылки донесений от остальных британских агентов²³. К 12 апреля — дню прибытия Байи в Англию — все было готово к его встрече, включая и таможенные власти.

Любопытный эпизод произошел за несколько дней до этого. 8 апреля в Дувр прибыл из Франции Гвидо Кавальканти, доверенный агент Екатерины Медичи и английского правительства, которому были поручены переговоры о предполагавшемся браке Елизаветы с герцогом Анжуйским (будущим королем Генрихом III). Кавальканти был сразу же взят под стражу и доставлен в дом Берли, а вечером того же дня уже принят Елизаветой. Французский посол предположил, что арест был произведен из предосторожности — дабы итальянец не проболтался о ходе переговоров. Однако на других стадиях этих переговоров подобных мер предосторожности не принималось. Возможно, таможенники в Дувре приняли Кавальканти за Байи. Правда, вскоре освобожденный Кавальканти, когда наступило время возвращаться в Париж, тоже отправился на корабль в сопровождении вооруженной охраны. Между тем он явно не вез никакого важного документа — Елизавета и ее Тайный совет снова предпочли оттянуть время решения. Остается допустить, что Кавальканти увозил другие секретные послания, которые он должен был передать в Париже английскому послу Уолсингему.

Нам уже известно, как, по версии Сесила, был задержан Байи. Но соответствует ли эта официальная версия действительности и не призвана ли она создать выгодное для Сесила убеждение, что министр лишь постепенно узнал о содержании писем к «30» и «40» и что, следовательно, сами эти письма отнюдь не являлись частью ловко задуманной провокации? Пытаясь ответить на этот вопрос, постараемся познакомиться поближе с главными лицами, участвовавшими в изъятии подлинных писем — и тут сразу же нас поджидают неожиданности.

²³ F. E d w a r d s. Op. cit., p. 138, 293.

Первая из неожиданностей — Томас Кобгем. Этот отпрыск знатного рода, брат влиятельного дипломата, ставшего губернатором южных портов, заявляя пиратством — профессией, которую елизаветинские власти терпели, пока это соответствовало их планам. Кобгем, видимо, в чем-то перешел допустимые пределы и очутился в Тауэре. В 1570 г. Томасу Кобгему удалось убедить одного из приближенных Сесила сэра Генри Невилла хлопотать за него перед всемогущим министром. В июле 1570 г. Невилл неоднократно писал Сесилу, что Кобгем может стать разведчиком, очень пригодным для использования на службе ее величества — например, для наблюдения за испанским послом Деспесом или за английскими эмигрантами во Фландрии. Тогда, правда, дело застопорилось — то ли у Сесила не было вакансий, то ли он не считал подходящей кандидатуру Томаса Кобгема. Того освободили лишь в конце 1570 или в самом начале 1571 г., вероятно отчасти по просьбе влиятельного военачальника графа Сассекса (сохранилось письмо Уильяма Кобгема к Сассексу с выражением благодарности за то, что тот соизволил принять Томаса на службу)²⁴.

Судя по всему, Томасу Кобгему было поручено наблюдать за перепиской Норфолка, находившегося — фактически уже с октября 1569 г. — в Тауэре. Свою работу Кобгем совмещал с одаживанием денег под поручительство Норфолка (которому и пришлось потом из своего кармана удовлетворить претензии кредиторов). Судя по показаниям секретаря Норфолка Хикфорда, Кобгем занимался не только переправкой писем к герцогу и епископу Лесли, в частности от Ридольфи, но и выживанием любой информации о планах противников Сесила.

Кобгем действовал не в одиночку. В официальном рассказе о поимке Байн сообщается, что просьбу Томаса Кобгема переслать захваченные письма Лесли активно поддержал присутствовавший при этом Френсис Бэрти, который состоял в свите злополучного прелата. Бэрти вызвался отнести их епископу. Уильям Кобгем согласился, но запечатал пакет своей печатью и поставил условием, чтобы пакет вскрыли в его присутствии. Не лучше ли было тогда просто самому отнести их к послу Марии Стюарт, не прибегая к услугам Бэрти? Между тем поведение Бэрти — в том числе и его тесная связь с Кобгемами — возбуждает сильное подозрение, что и он являлся соглядатаем лорда Берли.

И, наконец, сам Уильям Кобгем. Он совершил, если верить официальной версии, тяжкое преступление, сотрудничая с иностранным послом и изменниками против собственного правительства и обманывая главного министра королевы. Берли, бывало, прощал своих врагов, если они не были ему опасны, однако он не знал снисхождения к лицам, участвовавшим в заговорах против Елизаветы. Правда, Кобгем подвергся наказанию, но как раз такому, как если бы он совершил не действительное, а видимое преступление, и нужно было скрыть, что на деле речь шла лишь о мнимой измене. Губернатор был арестован, но содержался под стражей в доме Берли. 19 октября 1571 г. Сесил писал графу Шрюсбери (которому Елизавета приказала стать тюремщиком Марии Стюарт): «милорд Кобгем находится как арестант в моем доме, иначе его надо было заключить в Тауэр. Я очень любил его и поэтому огорчен совершенным им преступлением». Позднее Кобгема все же перевели в Тауэр — на короткое время. Заключение могло быть совсем не суровым: в главной государственной тюрьме были самые различные помещения — от холодных темных казематов до комфортабельных дворцовых помещений, в которых временами поселялись королева и ее придворные. А после освобождения У. Кобгем вновь занял свой пост губернатора южных портов, на котором вряд ли сохранили бы действительного сообщника Марии Стюарт и Норфолка.

Ссылки Эдвардса на благосклонность Берли к Кобгему внешне очень убедительны, но только внешне. В истории елизаветинского правительства и в действиях Сесила можно найти немало число подобных поступков, которые кажутся такими только из-за незнания исследователями обстоятельств, обычно вообще не отраженных в сохранившихся документах, но оказывавших свое влияние на поведение политических деятелей.

Задачей секретной службы Берли было подбросить опасные письма епископу Лесли, причем таким образом, чтобы для него самого и впоследствии для всех было несом-

²⁴ F. E d w a r d s. Op. cit., p. 48.

~~Байи~~, что именно шотландец проявил инициативу в добывании роксбю корреспон-
~~денции~~. С этой целью и была разыграна комедия, главными участниками которой ста-
~~ли~~ трое — братья Кобгема и Френсис Бэрти. Как видно из показаний Лесли, он легко
попался на приманку. Что же касается происхождения самих писем, то здесь допусти-
мы различные предположения. Это могли быть действительно письма Ридольфи,
действовавшего в качестве агента Марии Стюарт. Это могли быть послания, на-
писанные итальянцем под диктовку Сесила (если Ридольфи стал агентом англий-
ской секретной службы). Наконец, не исключено, что Байи не привез вообще никаких
писем (не получив их вообще или оставив в Кале). В первых двух случаях ведомство
Сесила либо скопировало письма перед отсылкой их Лесли, либо же сохранило ори-
гиналы, а послу Марии Стюарт отослало копии. Как бы то ни было, эти письма епис-
коп, по всей видимости, получил непосредственно из рук... английских разведчиков.
Правда, Лесли не был ни глупцом, ни новичком в тайной войне и мог легко запод-
озрить ловушку. Поэтому были приняты меры, чтобы как-то объяснить неожиданное
согласие У. Кобгема обмануть лорда Берли. Поэтому также Кобгем первоначально
заявил, что готов согласиться на подмен писем, если в корреспонденции, привезенной
Байи, не содержится ничего направленного против интересов королевы. Томас Кобгем
заявлял зато, что он попросту украл письма к «30» и «40», пока его брат отвернулся,
допрашивая Байи (в этом брат губернатора очень старался убедить Хикфорда).

Для решения интересующей нас загадки — подлинной подделки «заговора Ри-
дольфи» — необходимо проследить, чем в те месяцы, когда Байи томился в Маршалси
и Тауэре, занимался пославший его в Англию Ридольфи.

Проездом через Францию Ридольфи добрался до Рима. Папа Пий V, ярый нена-
вистник Елизаветы, благосклонно встретил своего «тайного нунция» и дал убедить
себя в реальности планов вторжения. При этом оставалось в тени, что оба предпола-
гаемых главы восстания — шотландская королева и Норфолк — находились в за-
ключении, к тому же Мария Стюарт была иностранкой и католичкой, которая могла
и не найти достаточного числа приверженцев; герцог же по своим личным качествам
совсем не подходил к роли вождя, а как протестант мог вообще отказаться от участия
в выступлении католиков.

Сменив сомнительные верительные грамоты от этих лиц на не вызывающие ника-
ких сомнений рекомендательные письма Пия V, Ридольфи покинул вечный город и
в начале июля прибыл в Мадрид. К этому времени сведения о «заговоре Ридольфи»
уже достигли иностранных столиц. Тем не менее Ридольфи не поостерегся направить
Марии Стюарт и Норфолку письма, хотя было очевидно, что эти послания почти на-
верняка будут перехвачены английской разведкой. В письмах прямо ничего не гово-
рилось о заговоре, но содержались темные намеки. Одно то, что флорентиец отправлял
эти письма, которые могли причинить его адресатам только вред, способно породить
сомнение в намерениях Ридольфи.

В Мадриде флорентиец встретил теплый прием у Филиппа II, который даже не хотел
прислушаться к предостережениям испанского посла в Риме Хуана Сунига и герцога
Альбы. Герцог особенно напирал на тяжкие последствия, к которым приведет неудача
заговора. Его раскрытие, писал 8 августа 1571 г. Альба Филиппу II, и выявление ро-
ли, сыгранной Мадридом, бросит английское правительство в объятия французов.
Альба достаточно точно определил, что крушение заговора будет означать также
катастрофу для той группировки, которая сопротивлялась антииспанскому курсу
политики лорда Берли. Однако подозрительный король уже начал испытывать недо-
верие к своему наместнику в Нидерландах и Ридольфи сумел сыграть на этой струне.
Все же когда Альба попросил прислать Ридольфи снова в Брюссель, Филипп II не
возражал и 11 сентября флорентиец отправился в обратный путь, снова посетив Фран-
цию. К этому времени он уже не мог не знать о полном раскрытии заговора. Новая
встреча Альбы с Ридольфи в конце сентября лишь убедила герцога в правильности
его крайне низкой оценки и умственных данных итальянца, и возможностей заговор-
щиков. Как сообщал Альба, Ридольфи лишь повторял как попугай заученный урок
и не мог ответить ни на один из дополнительных вопросов. Альба считал несомненным,
что Норфолк даже не заводил беседы о своих планах с друзьями, которые ему якобы
преданы. Альба не стал скрывать своего презрительного отношения к итальянцу и тот
в ноябре уехал из Брюсселя в более благосклонный к нему Рим, где многократно объяс-

нял, что причиной неудачи всего предприятия была враждебность испанского наместника в Нидерландах. Позицию Альбы нельзя сбрасывать со счета при решении загадки, какую представляет «заговор Ридольфи».

Возвращаясь теперь на английскую почву, надо ясно представить себе положение, в котором находились главные участники заговора. По крайней мере с марта 1571 г. содержавшиеся под стражей Мария Стюарт и Норфолк, а также Лесли и испанский посол Деспес были полностью изолированы друг от друга. Вся переписка между ними находилась под строгим контролем, и это было им известно. Не менее очевидной была опасность, связанная с попыткой вести секретную корреспонденцию. Связь поддерживалась лишь при посредстве тех, кто имел доступ ко всем четырем лицам. Таких людей было очень мало. Заслуживают упоминания бывший секретарь герцога Норфолка Уильям Баркер и Ридольфи. Иными словами, каждый из главных участников заговора мог узнать о планах других трех только из того, что об этом сообщит ему Ридольфи или Баркер²⁵. Поэтому, если курьер по тем или иным соображениям будет излагать не то, что он услышал, а нечто совсем иное, все заговорщики неизбежно должны были стать жертвами ложной информации, которую они никак не могли проверить. Следовательно, в показаниях каждого заговорщика нужно четко различать две части — во-первых, то, что говорится в них о его собственных действиях, и, во-вторых, касающееся его сообщников. Первая часть показаний относится к тому, что участник заговора действительно знал, хотя мог утаивать либо изображать в ложном свете. Во второй же части речь идет лишь об узнанном из чужих (и, возможно, лживых) уст. В показаниях каждый заговорщик старался преуменьшить свою роль за счет перекладывания главной ответственности на чужие плечи. Однако такой рисуется картина, пока мы исходим из предположения, что заговорщики получали в основном правильную информацию о планах своих сообщников. Если же допустить, что все главные заговорщики получали ложную информацию друг о друге, то картина разом меняется. В этом случае утверждение каждого из них о том, что он лично не собирался просить об испанской интервенции для свержения Елизаветы, может означать, что заговора вообще не было. Возможно, истина лежала посередине — велись какие-то разговоры, которые секретная служба лорда Берли представила вполне законченной государственной изменой.

Как же, однако, относиться к признаниям Лесли в Тауэре, когда он с большой готовностью стал сообщать все, что ему было известно от Ридольфи о заговоре? При этом Лесли настаивал, что он считал лишь желательным получить через посредство Ридольфи финансовую помощь от папы и других государей для борьбы с шотландскими противниками Марии Стюарт. Все же остальные планы исходили от других заговорщиков и стали известны епископу тоже от Ридольфи.

Однако все эти признания Лесли относятся к осени 1571 г., а летом власти, если верить официальной версии, еще не могли ни прочесть зашифрованных писем Ридольфи, ни определить, кто скрывался под цифрами «30» и «40». На процессе Норфолка 16 января 1572 г. генерал-прокурор Джерард заявил, что заговор был раскрыт в результате случайности. Ею оказалась посылка с купцом Томасом Брауном из Шрюсбери 600 ф. ст. и зашифрованных писем для шотландских лордов — сторонников Марии Стюарт. Раскрытые коды, которым были написаны эти письма, показания слуг герцога позволили отождествить Норфолка с неизвестным «40». Именно обнаружение писем и привело к возвращению Норфолка в Тауэр. В этом эпизоде прежде всего бросается в глаза, что к пересылке денег и крайне секретных писем было привлечено не менее пяти человек. Зачем было в письмах снова обозначать герцога цифрой «40», как в корреспонденции Ридольфи, подвергая Норфолка из-за этого смертельной опасности, и при этом без всякой нужды, так как можно было заранее сговориться о любом другом знаке. Вызывают недоумение и действия Брауна — он не только сразу же определил, что в мешке не 50 фунтов серебром, как сказал ему Хикфорд, а большая сумма золота, но немедленно поспешил доставить свой груз членам Тайного совета. Хикфорд не был хорошо знаком с Брауном и непонятно, как он мог вложить в мешок письма такой важности и столь опасные для их отправителей. Вопрос заключается в том, действовал ли Браун по предварительномуговору с секретной службой или по собствен-

²⁵ F. E d w a r d s. Op. cit., p. 93.

...и ~~и~~ Берли. предполагал задолго до Эдвардса, например, в прошлом веке Ж. Готье²⁶. Если Браун был связан с секретной службой, еще более правдоподобным представляется, что письма были вложены в мешок лишь после того, как он попал в руки властей, по крайней мере часть этих писем, уличающая герцога в государственной измене. В таком случае Норфолк на деле приказал переслать лишь деньги, а не роковые письма.

Чтобы пролить дополнительный свет на эту запутанную историю, следует познакомиться еще с одним персонажем — Уильямом Баркером, уже пожилым человеком, ранее бывшим секретарем герцога и сохранявшим его доверие. Баркер проявлял в то время куда большую активность, чем Хикфорд, который был к тому же серьезно болен. Именно Баркер дал наиболее убийственные показания против Норфолка. Возможно, что это смягчило Берли в отношении него, хотя даже самые полные и чистосердечные признания не спасли от смертного приговора ни Хикфорда, ни Бэнистера, несравнимо меньше связанных с «заговором Ридольфи». Признав себя на суде виновным в государственной измене и приговоренный к смерти, Баркер получил полное королевское прощение. Этого надо было заслужить...

Если Ридольфи несколько раз служил курьером между главными заговорщиками, то Баркер поддерживал связь между флорентийцем и его (действительными или мнимыми) сообщниками. Из показаний Хикфорда известно, что Баркер ведал перепиской герцога с Марией Стюарт. Норфолк в своих заявлениях на следствии и в суде прямо указывал на Баркера, как на предателя, который, в отличие от Хикфорда и Бэнистера, давал заведомо ложные показания (другим лжесвидетелем Норфолк называл Лесли). Подобно Ридольфи, позиция Баркера позволяла ему, если бы он того захотел, представлять в ложном свете каждому из главных заговорщиков намерения и планы его соучастников. Метод привлечения на свою сторону путем подкупа или запугивания одного или нескольких слуг того или иного вельможи, чтобы погубить его, не раз использовался секретной службой лорда Берли уже в первые годы правления Елизаветы. О том, что Баркер был правительственным шпионом, косвенно свидетельствует тот факт, что в руки властей попали едва ли не все письма, которыми обменивались Норфолк и шотландская королева.

Процесс над Норфолком велся с явным пристрастием, нарушением законных норм, как, впрочем, и большинство других политических процессов той эпохи, целью которых было устранение противника, а не выяснение степени доказанности инкриминируемых ему действий. Судей, которые должны были быть пэрами Англии, тщательно отобрали из числа врагов герцога, могущих выиграть от его гибели; обвиняемому не дали времени подготовиться к защите, лишили, вопреки прецедентам, права пригласить адвоката. Показания главных свидетелей были вырваны пыткой или угрозой пытки. Елизавета разрешила подвергнуть пытке Баркера и Хикфорда. Для публички была издана специальная «Декларация», оправдывавшая действия королевской комиссии, которая проводила следствие. В «Декларации» указывалось, что пытали только лиц, заведомо совершивших преступные деяния и не желавших сознаться. Ряд протоколов следствия был явно подделан, допросы велись так, чтобы совершенно исключить мысль о возможной полицейской провокации, если таковая имела место. Суд над Норфолком состоялся 16 января. Казнь была назначена на 8 февраля 1572 г., но в последний момент перенесена по указанию королевы на 28 февраля, а потом еще раз — на 12 апреля. Елизавета явно колебалась и, быть может, была готова ограничиться приговором к пожизненному тюремному заключению²⁷.

СПЕКТАКЛЬ ДЛЯ ЕЛИЗАВЕТЫ

Насколько сама Елизавета была в курсе махинаций Сесила и Ридольфи (если последний действительно являлся агентом английской разведки)? Видимо, Сесил не считал нужным посвящать королеву в работу своего ведомства. Иначе трудно объяснить тот факт, что как раз во время ареста Байн Елизавета, которой претил

²⁶ J. Gauthier. Histoire de Marie Stuart, t. 3. Paris, 1869, p. 48; ср. J. Носак. *Op. cit.*, vol. II, p. 64.

²⁷ W. Носак. *Op. cit.*, vol. II, p. 115.

пугливый Лесли, чрезмерно (по ее мнению) ревностно отстаивавший интересы Марии Стюарт, повелела отослать епископа из Лондона к его государыне. Однако такое повеление явно путало все карты Сесила — ему было необходимо, чтобы Лесли не встретился с Марией Стюарт. По-видимому, уже 13 апреля Сесилу удалось изменить королевскую волю — Лесли остался в Лондоне. Весь этот эпизод становился необъяснимым, если предположить знакомство Елизаветы с хитроумными планами ее главного министра.

В дневнике Лесли имеется запись от 13 июля, что за него удалось замолвить словечко перед фаворитом Елизаветы графом Лейстером, но что ничего нельзя решить до возвращения лорда Берли, который уехал в свою сельскую резиденцию и вернется только через восемь дней. 14 июля французский посол просил за епископа саму королеву; Елизавета обещала допросить Лесли, отослать его к Марии Стюарт, а потом в Шотландию. По-видимому, об этом был немедленно извещен Сесил, поспешивший вернуться в Лондон 17 июля, а не 21-го, как это предполагалось ранее. После возвращения Берли всякие разговоры о высылке Лесли разом прекратились. Если для Сесила Норфолк явно становился противником в борьбе за власть и сторонником противоположного курса во внешней политике, то сама Елизавета еще не решила, следует ли считать герцога человеком опасным для трона. Сесил понимал, что Елизавета каким-то образом узнает правду, но всегда была возможность свалить ответственность на Ридольфи, в крайнем случае на находившегося в Париже Уолсингема. Однако пока Елизавета не приняла окончательного решения о казни Норфолка, оставалась опасность, что королева передумает. Многие твердили, что милосердие будет сочтено за признак слабости. Берли было особенно важно, чтобы у Елизаветы не возникло и подозрения в его личной заинтересованности. Поэтому лукавый Сесил вызвался вместе с сэром Николасом Бэконом внести залог за осужденного. И тут очень кстати был раскрыт еще один заговор, на этот раз ставящий целью убийство Берли.

Инициаторами заговора, если верить официальной версии, были Кинели Берни (или Берни) и Эдмунд Мэзер, оба родом из города Норвича, в графстве Норфолк, где было сильно влияние герцога Норфолка. Имеются сведения, что Берни ранее совершил убийство и был связан с заведомыми преступниками. О Мэзере мы знаем из доноса его приятеля Даниэля Роджерса, который вместе с ним служил секретарем английского посла в Париже сэра Генри Норриса. Мэзер был сыном богатого купца из Норвича. В Париже Мэзер с головой окунулся в политические интриги, поддерживал связи с католическими эмигрантами. Вряд ли это терпели в посольстве без особого умысла. Правда, Роджерс уверял, что Мэзер не раз употреблял во зло оказанное ему доверие, был дружен с Джоном Гербертом (он же Томас Дженин), песенным агентом английской разведки. Роджерс писал в своем доносе: «Оба они сходны по характеру. Я не знаю людей, имеющих столь одинаковые наклонности, оба богохульники, маккиавелисты, рьяные честолюбцы, стремящиеся к переменам в государстве, неисправимые моты, проживающие больше, чем это позволяют их средства, как никто погрязшие в грехе и весьма умеющие уничтожать все, что может как-то помешать осуществлению их намерений». В другом доносе в январе 1572 г. Роджерс уверяет, что Мэзер собирался участвовать в католическом восстании в северных графствах, но отказался от этого, получив дом в качестве подарка от Берли. Таков был человек, неожиданно выразивший неумное желание оказать помощь герцогу Норфолку и делу католицизма.

Подогреваемый страстью к интриге и используя опыт, приобретенный в Париже, Мэзер установил связи со служащим испанского посольства неким доном Пасиско и проник в круг сторонников Марии Стюарт. Он поддерживал и дружеские контакты с двумя правительственными шпионами Нэнфентом и Скидмором (неясно, знал ли он об их основной профессии). Для ведомства Берли вполне могли подойти люди без совести, но не без умения держать язык за зубами.

О заговоре Мэзера и Берни известно только из записей их допросов, а чего стоили эти протоколы и суммирующие их служебные бумаги, достаточно явствует из предшествующего изложения. Мэзеру несомненно принадлежала руководящая роль — он привлек Берни к заговору и фактически содержал своего сообщника, который в это время не имел никаких средств. Вначале намерения заговорщиков сводились к совершенно фантастическому плану помочь Норфолку бежать из Тауэра, спустившись

на веревке. Потом было решено подбросить угрожающие письма в зале заседаний суда, а затем — на Тауэр Хилл и около собора св. Павла. Письмо составил Мэзер, но переписал Берни, он же и подбросил бумагу — так было создано документальное подтверждение «измены». Мэзер выразил опасение, не видел ли кто-либо Берни; тот заметил, что никому об этом не будет известно. Вряд ли можно представить Мэзера действительным заговорщиком. Он явно не мог рассчитывать на вознаграждение от Норфолка, еще менее вероятно, что авантюрист действовал из каких-либо бескорыстных идейных побуждений. Очевидно, что Сесил был в курсе всего дела. От подметного письма Мэзер перешел к планам убийства Берли, как главного врага герцога Норфолка и Марии Стюарт. Он предлагал застрелить его на улице, быстро переправиться на лодке через Темзу, вскочить на заранее подготовленного коня и, далеко опередив погоню, укрыться у верного человека в графстве Серрей. Велся разговор и о покушении на Елизавету. Все это Мэзер собирался осуществлять не сам, а поручить Берни. Мэзер явно невысоко ставил ум своего сообщника, когда пытался рассеять страх того перед возмездием ссылками, что удастся сделать заложником двух сыновей Берли, отослав их к герцогу Альбе. В своих показаниях Мэзер утверждал, что он неоднократно тайно посещал испанского посла Деспеса, который твердил о необходимости устранить Берли. Это же повторял и секретарь посла Боргезе, позднее арестованный английскими властями.

Мэзер был, по-видимому, последним в длинном ряду агентов британской секретной службы, одурачивших посла Филиппа II и превративших его в невольное орудие компрометации главных противников Сесила. Теперь настало удобное время, чтобы потребовать удаления доня Герау. По уверению властей, оригиналы самых важных писем Ридольфи находились в руках Деспеса — было бы не очень удобным, если, оставаясь в Лондоне, испанец вздумал бы опровергать эти утверждения. По официальной версии властям так стало известно о заговоре: Берли получил письмо, в котором какой-то раскаявшийся заговорщик сообщал о том, что три раза опытный убийца поджидал министра в его саду. Письмо это безусловно исходило от Мэзера, он даже не скрыл от Берни факт его отсылки, ссылаясь на то, что оно испугает главного министра, а это поможет Норфолку. Если заговор не был бы просто провокацией, Мэзер, послав письмо, из понятной предосторожности поспешил бы на время скрыться, — он не сделал такой попытки. Хотя в письме не указывается отправитель, вскоре после того как оно было отослано, Мэзер и Берни были заключены в Тауэр. Из тюрьмы Мэзер написал новое письмо Сесилу на восьми страницах. Письмо это написано человеком, отнюдь не считавшим себя на краю гибели. Напротив, оно содержит деловые советы по вопросам отношений с иностранными державами. Это не просто письмо крайне самоуверенного человека, оно обличает его представление и о заговоре, и о роли, которую он, Мэзер, сыграл в этом предприятии, — роли тайного слуги правительства. Иначе невозможно объяснить отсутствие в письме слов раскаяния в инкриминируемой Мэзеру государственной измене, планах убийств королевы и ее первого министра. Если исключить здесь расстройство ума, то приходится признать, что Мэзер явно считал себя исполнителем воли министра — вероятно, эту иллюзию у него поддерживали до последних минут на эшафоте. 11 февраля 1572 г. Мэзер и Берни были подвергнуты мучительной казни.

К. Рид, не принадлежавший к «иезуитской» школе историков и придерживавшийся традиционной версии заговора Ридольфи, считает, что конспирация Мэзера являлась возможно следствием провокации. Все, что нам известно об этом заговоре, в том числе и об участии испанского посла, основывается на показаниях двух заговорщиков, вырванных под пыткой. Планы Мэзера, если судить по этим показаниям, были до крайности туманными, вероятно, два безрассудных молодых честолюбца только болтали о том, что они якобы могут, но что не собирались делать.

Отвлекающий маневр в виде заговора против жизни лорда Берли может быть и произвел желаемое впечатление на Елизавету, но не покопчил с ее колебаниями, хотя за казнь герцога Норфолка горячо ратовал и собравшийся весной 1572 г. парламент. Решение о казни было окончательно принято в конце мая. 2 июля, стоя на эшафоте, Норфолк в предсмертной речи снова отрицал, что он давал согласие на мятеж, на вторжение испанцев и отверг «папу и его религию».

Английская дипломатия максимально использовала раскрытие «заговора Ри-

дольфи», чтобы ослабить поддержку парижским двором Марии Стюарт, теперь представшей союзницей Испании. Но эти действия должны были быть таковыми, вне зависимости от того, какой в действительности была подоплека «заговора Ридольфи». Сам флорентиец потом неоднократно ходатайствовал о возмещении убытков, понесенных им ради святой церкви. Папа Григорий XIII отказал, а еще через три десятилетия точно также поступил английский король Яков I, сын Марии Стюарт. Ридольфи неоднократно выполнял дипломатические поручения своего государя — великого герцога Тосканского, был его послом в Риме, Мадриде и Лиссабоне и мирно скончался на 81-м году жизни.

Подводя итоги, можно сказать, что нет ни одного факта, прямо свидетельствующего, что Ридольфи был шпионом лорда Берли, а не искренним, хотя и опрометчиво поступающим агентом католической церкви. Совокупность косвенных доказательств свидетельствует о провокационной роли Ридольфи, хотя каждый его поступок допускает различные толкования. Несомненно, что он снабжал доверившихся ему лиц заведомо ложной «оптимистической» информацией, например, о готовности герцога Альбы немедленно послать войска на помощь восставшим английским католикам. Зачем было Ридольфи уверять Пия V и Филиппа II, что герцог Норфолк, живший и умерший протестантом, в действительности тайный католик?

Эти и другие подобные утверждения Ридольфи явно вредили тем, в интересах которых якобы действовал итальянский банкир. Флорентиец, как это доказывают его успехи в торговых предприятиях, был опытным дельцом и подобного рода нелепые поступки вряд ли могли быть следствием простого недомыслия. Слабым пунктом в концепции Эдвардса является объяснение мотивов поведения Ридольфи. Арестованный в Англии итальянец мог под угрозой пытки дать какие угодно обязательства служить Берли, но какой смысл было ему соблюдать эти обещания, не вызвав на себя месть папы и испанского короля. Эдвардс считал, что риск был не очень велик, а мотивом являлись деньги, которые следовало получить Ридольфи от его английских должников — 3,5 тыс. ф. ст. (очень большая сумма по тем временам); иначе ее конфисковали бы власти. В случае смерти Елизаветы и вступления на ее престол возможного наследника — шотландского короля Якова, перед флорентийским банкиром тоже открывались бы благоприятные возможности. Удайся заговор — Ридольфи не был бы в накладе.

Как бы ни относиться к концепции Эдвардса, факт переговоров шотландской королевы с Альбой доказывают бумаги, захваченные еще в апреле 1571 г. у сторонников Марии Стюарт, после взятия ее врагами замка Думбартон. Историк-иезуит, пытаясь доказать свой тезис, стремится затуманить, насколько планы Ридольфи точно отражали интересы Марии Стюарт и Норфолка — так точно, что одно это возбуждает сомнение в неодобрении этих планов шотландской королевой и герцогом.

Вряд ли можно документально опровергнуть традиционную точку зрения, выраженную Минье, что Берли узнал о заговоре от Байи, но тогда он еще не был «в состоянии доказать его и начать преследование»²⁸. Известно, что Сесил, как и сама Елизавета, и в 1571 г., и много позднее были противниками открытой военной конфронтации с Испанией, на чем настаивали позднее Лейстер и Уолсингем²⁹. Не могло ли провоцирование заговора Ридольфи привести к такой конфронтации, активизировать и Альбу и Филиппа II? Сесил, если он собирался провоцировать заговор, не мог не задать себе подобный вопрос.

Эдвардс признает, что сообщаемые им косвенные улики виновности Сесила в фабрикации «заговора Ридольфи» вряд ли убедили бы беспристрастный суд и тем более недостаточны для суда истории. «Но если нельзя вынести окончательное суждение о роли Ридольфи и Сесила, — пишет он, — то тем менее возможно осудить герцога Норфолка и шотландскую королеву Марию Стюарт. Если мало доказательств, говорящих в их пользу, еще меньше того, что свидетельствует против них». Быть может. Эдвардс преувеличивает степень «недоказанности» участия Норфолка и Марии Стюарт

²⁸ М. Минье. Указ. соч., стр. 120.

²⁹ C. Read. Lord Burghley and Queen Elizabeth, vol. II. New York, 1960, p. 73—74, 141, 314—323. Эти колебания проявлялись и в отношении к голландским повстанцам; ср. А. Н. Чистозвонov. Английская политика по отношению к восставшим Нидерландам. — «Средние века», М., 1954, вып. 5.

Однако историку-иезуиту удалось поставить под сомнение традиционную историческую версию заговора Ридольфи.

Барнабас Кирк О'Филда и «заговор Ридольфи» стоят в длинном ряду заговоров, которыми столь изобилует английская и шотландская история второй половины XVI и первого десятилетия XVII в. Вслед за «заговором Ридольфи» последовали другие конспирации в пользу Марии Стюарт — и несомненно организованные католическим лагерем вроде «заговора Френсиса Трокмортона» (родственника сэра Николаса), раскрытого в 1583 г., и столь же бесспорно спровоцированный английской разведкой «заговор Бабингтона», который послужил предлогом для казни Марии Стюарт 8 февраля 1587 г., и такие конспирации, как «заговор доктора Парри» (1585 г.), относительно истинной подоплеку которого до сих пор существуют разногласия между историками. Эта цепь заговоров не прерывалась и позднее — вплоть до «порохового заговора» (1605 г.), вопрос о характере которого снова встал в последние годы предметом споров в английской историографии. К ним надо прибавить и многие шотландские заговоры этих десятилетий.³

Изобилие заговоров отнюдь не было спецификой истории Англии и Шотландии того времени. Нисколько не меньше их было в то время и во Франции и в ряде других европейских стран. Тем менее они могут относиться к особому характеру истории отдельных государств, поскольку все эти заговоры оказывались прямо или косвенно связанными с конфронтацией на международной арене лагерей католической контрреформации и протестантизма, в конечном счете отражавшей классовые антагонизмы переходной эпохи от феодализма к капитализму. Вместе с тем особенности эпохи определили чрезвычайно большой удельный вес методов тайной войны в арсенале средств, использовавшихся контрреформацией.

Борьба между феодальной Испанией с ее претензиями на европейскую гегемонию и Англией, вступившей на путь буржуазного развития, была частью этого противоборства на международной арене. Победоносный для Англии исход ее столкновения с Испанией в XVI в. создал условия для более быстрого вызревания капиталистического уклада. Вместе с тем неспособность монархии в правление Якова I (1603—1625 гг.), стремившегося к примирению с Испанией, дать отпор новым притязаниям католического лагеря вызвал возмущение пуритан. Карл I (1625—1649) продолжал ту же политику³⁰. Таким образом и отказ Стюартов от борьбы против Испании и всего лагеря контрреформации, и сама эта борьба ранее при Елизавете в определенном смысле безусловно относится к предьстории Английской буржуазной революции, ознаменовавшей наступление новой исторической эпохи.

³⁰ M. A. Breslow. A Mirror of England. Puritan Views of Foreign Nations. 1618—1640. Cambridge (Mass.), 1970, p. 10—44; M. J. Brown. Itinerant Ambassador. The Life of Sir Thomas Roe. Lexington, 1970, p. 173.